

ОТЗЫВ

о диссертации Петра Михайловича Аркадьева «Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа) [Москва, Языки славянской культуры, 2015, с. 351]», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 (сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание)

Диссертационная работа П.М. Аркадьева принадлежит к новой научной парадигме типологических исследований, ориентированных не только на дескриптивную деятельность и выявление сходств и различий между многими отдельными языками и группами языков, но и на поиск объяснения выявленных языковых фактов. Это работа органично сочетает описательный и объяснительный подходы к изучению категории аспекта, выражающую разнообразными языковыми средствами «точку зрения говорящего на развёртывание ситуации во времени» (с. 21). Префиксальные глаголы в диссертации всесторонне исследуются на материале большого массива языков: помимо славянских и балтийских языков, это немецкий, венгерский, осетинский языки, идиш, а также картвельские языки: грузинский, сванский, мегрельский и лазский.

Сходный для данных языков механизм префиксальной деривации, связанный в той или иной степени с перфективацией глаголов, дал возможность П.М. Аркадьеву описывать столь различные по многим параметрам языки с помощью единой системы понятий, провести типологические параллели между системами префиксальных глаголов разных языковых семей и ареалов. Такие параллели в центральных главах исследования (после определения системы теоретических положений и терминов работы во Введении) устанавливаются на разных уровнях: на уровне 1) самих префиксов-превербов и их характеристик (во 2-ой и 3-ей главах); 2) функционально-семантических характеристик глаголов с превербами (в 4-ой главе) и 3) в целом глагольных систем с такими формантами и глаголами (5-ая глава). В последующих главах полученные данные анализируются с применением методов количественной и ареальной лингвистики (6-ая глава), с привлечением данных истории рассматриваемых языков и сходных явлений в языках других географических ареалов (7-ая глава). Изучен генезис синхронного распределения лингвистических признаков с учетом соотношения архаических и инновационных черт. Прослежена историческая эволюция сопоставляемых аспектуальных систем, выявлена роль в развитии последних контактных, генетических и типологических факторов. Такой подход к исследованию позволил П.М. Аркадьеву сделать в Заключении обобщающие и, с моей точки зрения, обоснованные выводы о сходствах и различиях между системами префиксальной перфективации в представительном множестве языков Восточной Европы и Кавказа и о соотношении в этой области генетических, универсально-типологических и контактных факторов.

Хотела бы еще отметить в данном предварительном обзоре проблематики и структуры диссертации такую ее особенность, которая для меня, как слависта, имеет большое значение. Впервые проведенное типологическое исследование на материале пятидесяти языков (причем около двух десятков префиксальных систем названных в начале отзыва языков рассматриваются подробно) позволяет определить место славянских языков в типологическом пространстве аспектуальных систем большого языкового ареала и показывает, что тесное взаимодействие глагольного словообразования и видообразования – это не только славянская черта. А типологическое сопоставление с другими языками, для которых характерно такое взаимодействие, позволяет определить славянскую специфику в этой области.

Все сказанное как общий предварительный анализ проведенного исследования дает возможность признать его **актуальность, научную новизну и значимость**, а также **обоснованность структуры диссертации**.

Теперь последовательно рассмотрим **результаты исследования** и некоторые привлечшие мое особое внимание положения диссертационной работы П.М. Аркадьева, а также дискуссионные вопросы и **замечания к диссертации** (отдельные замечания я высказываю и по ходу рассмотрения диссертации, но основные замечания сконцентрированы традиционно в конце отзыва).

Диссертанту удалось показать в центральных главах, что системы глагольных префиксов и префиксальных глаголов славянских, балтийских, картвельских языков, идиша, венгерского и осетинского языков могут быть сопоставлены на единой основе по ряду морфологических и функционально-семантических параметров, проявления которых при этом могут различаться. Это первое выносимое на защиту положение, связанное прежде всего с **центральными главами диссертации** (со 2-ой по 5-ую), где анализируются в сравниваемых языках морфологические, синтаксические и семантические свойства превербов, префиксальных глаголов и глагольных систем. **Доказанность этого положения не вызывает сомнений**.

Большой интерес вызывает выделение и описание превербов как особого класса языковых единиц, который, как представляется, несколько шире класса русских глагольных префиксов, но уже, чем класс префиксов в ряде неславянских языков. Системно-типологическое описание и обобщение свойств превербов имеет **большое значение для продолжения типологических исследований в данном направлении**.

В диссертации по отношению к каждому языку описывается то место в системе аффиксальных морфем, которое занимают превербы. Во Введении они называются глагольными префиксами, но потом из текста диссертации становится ясно, что не все глагольные префиксы в сопоставляемых языках входят в класс превербов. А свойства этих единиц в некоторых языках отличаются от признаков прототипических префиксов славянских языков. Поэтому, с моей точки зрения, в 1-ой главе не хватает

обобщения, которое бы более четко с самого начала книги определило границы данного морфологического класса (1-ое замечание). Определение превербов, принятое в диссертации, представляется несколько расплывчатым:

«Превербы определяются как морфемы, удовлетворяющие двум условиям:

(1) по крайней мере в значительном классе случаев занимают префиксальную позицию по отношению к глагольному корню;

(2) способны присоединяться к глаголам, обозначающим перемещение, и специфицируют какие-либо аспекты пространственного расположения их актантов» (с. 17).

В диссертации имеется уточнение определения превербов как ограничителей глагольного действия, «в ходе грамматикализации приобретающих более абстрактные значения, основное из которых – терминативность, т. е. достижение ситуацией естественного предела» (с. 12). В этом определении допущена неточность с учетом терминологической системы, принятой в диссертации: это определение сужает понятие терминативности. Напомню, что, по мнению П.М. Аркадьева, «достижение ситуацией естественного предела», т.е. «актуальная предельность», «является частным случаем терминативности, поскольку терминативными в данном понимании могут быть и непредельные предикаты (ср. делимитативные глаголы... *посидеть, поработать*)» (с.18) (2-ое замечание). Но и в целом это дополнение (и без учета неточности) не решает вопрос об определении границ класса превербов в типологическом отношении, так как перфективирующая функция свойственна не всем рассматриваемым превербам, в частности, ее не выполняют немецкие превербы. Остается не совсем понятным, как определяются превербы в немецком, а также венгерском языках. В первом «сложно провести границу между отделяемыми превербами, наречиями и предлогами» (с.56), а во втором «превербы ... трудно отделить от наречий» (там же). П.М. Аркадьев, отмечает, что «категория преверба в немецком языке (как и в венгерском) является гораздо более размытой, чем в славянских и балтийских» (с. 57). В диссертации недостаточно четко выражено, чем же все-таки автор руководствуется при определении данной категории в этих и других языках (имплицитным сопоставлением со славянскими языками?). Возможно, более последовательное изучение словообразовательных функций превербов (с различением модификационного и мутационного типов) и их грамматикализации способствовало бы уточнению определения данного класса языковых единиц? В этой связи интересно замечание диссертанта в разделе 7.1.1 о западноиранских языках, в которых аспектуальные системы устроены принципиально иначе, чем в рассматриваемом в диссертации ареале: «в частности, выражение аспекта чётко отграничено от словообразования, и с помощью префиксов может выражаться как перфективный, так и имперфективный аспект».

Убедительным представляется описание сходств глаголов с превербами в славянских и балтийских языках, а также в грузинском и осетинском, где превербы обладают ярко выраженной перфективирующей функцией. И вполне обоснованным предстает вывод о том, что отдельные префиксы могут стать перфективаторами «в чистом виде» (раздел 3.6.) «Чисто перфективирующие» употребления превербов отмечены, помимо славянских языков, в балтийских языках, в осетинском и в грузинском и других языках, где превербы могут влиять на предельность глагола.

Большой интерес вызывает анализ еще одного признака превербных глаголов — их способность сочетаться с продуктивными показателями имперфективации (разделы в 4-ой и 5-ой главах: 4.1. и 5.2.). При этом оценка грамматикализованности аспектуальных оппозиций, выражаемых при помощи глагольных ограничителей в сопоставляемых языках, никак не связывается с противопоставлением глаголов с превербами и вторичных имперфективов, хотя для славянских языков это важный показатель: чем регулярнее образование вторичных имперфективов от префиксальных глаголов СВ, тем о большей степени грамматичности категории вида в славянских языках можно говорить. Наиболее регулярна вторичная имперфективация, как известно, в болгарском языке. Оценка грамматикализованности аспектуальных оппозиций, выражаемых при помощи глагольных ограничителей, в работе П.М. Аркадьева определяется по характеру оппозиции префиксальных и непрефиксальных глаголов, в частности тому, «насколько эта оппозиция является систематической с функциональной точки зрения» (глава 5, с. 100). Таковой она оказывается, по всей видимости, в грузинском языке, где «в имперфективных контекстах (настоящее время в актуально-длительном значении и прошедшее несовершенное) глагол без преверба оказывается коррелятом всех своих превербных производных, выражающих подчас весьма разные лексические значения» (с. 115). Кроме того, учитываются также морфосинтаксические ограничения на употребление и сочетаемость глаголов с превербами, например такие, как «распределённые по видам способы образования будущего времени в севернославянских языках, тесная парадигматическая интеграция превербного аспекта и других глагольных категорий в грузинском, ... запрет на употребление перфективных глаголов в фазовых конструкциях не только в славянских языках, но и в осетинском» (с. 173).

Убедительно показано, что говорить о грамматической категории аспекта можно применительно не только к славянским языкам, но и к грузинскому и осетинскому. Тогда как «в балтийских языках, в венгерском и в идише нет или практически нет собственно грамматических, не мотивированных непосредственно семантикой признаков, которые позволили бы чётко противопоставить терминативные (превербные) и нетерминативные предикаты как грамматические классы» (выводы 5-ой главы).

В шестой главе результаты, полученные в предшествующих главах, обобщаются на основании количественного анализа изученных па-

раметров, что позволяет П.М. Аркадьеву **объективными методами** построить ареальную типологию префиксального перфектива. Таким образом, не вызывает никаких сомнений доказанность второго и третьего положения, выносимых на защиту, в том числе и обоснование существования двух «прототипов» префиксальной перфективации – восточноевропейского и кавказского. Это наглядно показывают диаграммы, отражающие степень сходства и различия языков по всему множеству классификационных признаков. Убедительным представляется также вывод о независимости возникновения и развития двух реализаций префиксальной перфективации, так как два выделенных субареала префиксальной перфективации существенно различаются характерными для них наборами признаков.

В седьмой главе построена непротиворечивая картина возникновения современного ареала префиксального перфектива и определено соотношение генетических, типологических и контактных факторов его формирования. В заключительных главах на большом языковом материале, с привлечением нескольких десятков других языков, контактирующих с сопоставляемыми (цыганских, балкано-романских и др.) выполнены поставленные задачи сравнительно-исторического и историко-типологического анализа с учетом древних индоевропейских, картвельских и уральских языков. Проанализированы документированные случаи контактного взаимодействия рассматриваемых языков. Доказано, что в становлении систем префиксального перфектива в изучаемых языках сыграли роль универсально-типологические тенденции (превращение глагольных пространственных модификаторов в показатели предельности и перфективности), а также, но в меньшей степени, языковые контакты. Показано, что грамматикализация древних систем превербов происходила на более поздних этапах истории отдельных ветвей и групп языков.

Таким образом, на основе сказанного можно сделать вывод о том, что **все положения, выносимые на защиту, находят исчерпывающее обоснование в работе.** Диссертация П. М. Аркадьева поражает детально и системно проанализированным языковым материалом пяти десятков индоевропейских, картвельских и финно-угорских языков. Применение статистических методов способствовало упорядочению большого количества разнообразных фактов. Все это позволяет оценить работу П.М. Аркадьева как большой вклад в развитие типологической и ареальной лингвистики, сопоставительной и типологической аспектологии, в изучение глагольной префиксации в языках различного строя.

Основные мои замечания, помимо двух частных, сделанных выше, касаются представления в общей ареально-типологической картине данных славянских языков и славянского типа аспектуальных систем.

Замечание 3). На первых страницах диссертации определяется одна из важных целей работы: «сравнив славянскую аспектуальную систему и глагольную префиксацию как её ядро с аналогичными явлениями других языков, ... обнаружить те черты и признаки или их комбинации, которые

являются **уникальными для славянского вида и составляют его характерные особенности**» (с.13). Но «чтобы не накладывать а priori славянскую систему координат на другие языки» (с. 22-23), П.М. Аркадьев решает редуцировать анализ славянской системы, в частности практически не анализировать важную литературу по славянской аспектологии и русскому глагольному виду. Ввиду большого объема последней это вполне оправданно. Но самые важные, классические работы по славянской аспектологии в исследовании такого уровня, считаю, должны быть представлены. Вообще не принимаются во внимание работы А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона, М.Я. Гловинской, Св. Иванчева, а также авторитетные публикации по русскому виду последних лет, в частности книга И.Б. Шатуновского. Работы Ю.С. Маслова цитируются довольно часто, но его определение категориальной семантики видов и характера видовой оппозиции не учитывается. Если бы были рассмотрены воззрения на русский вид А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона, то автор не сделал бы заявления о том, что использовать термины «предельность / неопределенность» и соответственно термин «предел» по отношению к семантике совершенного и несовершенного вида «представляется мне для русской терминологической системы неудобным и контринтуитивным» (с.23). Эта позиция не позволяет учесть уникальные для русского вида черты. Мои собственные исследования русского вида в сопоставлении с западнославянскими и некоторыми южнославянскими языками дают мне основания не согласиться с этим неосторожным заявлением диссертанта. Термины «предел» и «предельность» для анализа специфики грамматической семантики русского совершенного вида никак нельзя назвать «контринтуитивными». Граммема СВ в русском языке связана с актуализацией предела (временной границы действия) – это соответствует интерпретации категориальной семантики совершенного вида В.В. Виноградовым, согласно которой совершенный вид выражает «сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе», что обуславливает «ограничение или устранение представления о длительности действия» (В.В. Виноградов. Русский язык). Как мы стремились показать в ряде своих сопоставительных публикаций, идея предела как временной границы между смежными ситуациями для русского глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима, чем, например, для чешского вида, для которого важным является представление о нерасчлененном начале-конце действия, о целостности. Об значимости обсуждаемых терминов свидетельствуют также работы Р. Якобсона, А.В. Бондарко, И.Б. Шатуновского и др.

Конечно, термины «предел» и «предельность», передающие специфику грамматической семантики СВ именно в русском языке, не подходят для определения перфективности в типологических исследованиях сравниваемых в диссертации языков, здесь нельзя не согласиться с П.М. Аркадьевым. Я поддерживаю его позицию по последовательному различению акциональных и видовых значений, так называемую двухкомпо-

нентную теорию вида, согласно которой выражение темпоральных границ действия лексическими и грамматическими средствами должно быть разведено и терминологически (что и сделано в диссертации). Я не согласна лишь с оценкой названных конкретных терминов для русской и славянской аспектологии. Такая оценка, по моему мнению, мешает определить в полном объеме уникальные для славянского вида в целом и для русского вида в частности черты.

4) Важен также вопрос о **категориальной семантике** грамматикализованных глаголов с превербами. Этот вопрос возникает при сопоставлении двух разновидностей аспектуальных систем с префиксальными перфективами, «славянской» и «кавказской», различающихся, как показал диссертант, характерными для них значениями типологических признаков. Не ставится вопрос о семантических причинах столь существенных различий между двумя выявленными системами. В славянской системе (кроме сербо-лужицких языков) действует запрет на сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами, запрет на дуративное употребление перфективных глаголов, развита вторичная имперфективация, тогда как для «кавказской» системы характерны прямо противоположные признаки: сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами, дуративное употребление превербных глаголов (перемещения), отсутствие вторичной имперфективации.

В чем же специфика семантики перфективных глаголов с превербами в кавказской группе? Вопрос о семантике считаем важным вопросом для изучения грамматикализации аспектуальных параметров в типологическом отношении. Не могу согласиться с утверждением П.М. Аркадьева о том, что «запрет на употребление перфективных глаголов в фазовых конструкциях в славянских языках» «семантически слабо мотивирован» (Заключение 5-ой главы, с. 173). В отечественной аспектологии представлена аргументация семантического обоснования этого запрета: именно категориальная семантика совершенного вида не допускает фазное представление действия, названного глаголом СВ.

5) По моему мнению, в таком солидном типологическом исследовании было бы полезно для системного осмысления выявленных сходств и различий на материале многих языков, более последовательно соотнести их с особенностями префиксации глаголов в славянских языках. Эти особенности заключаются в частности в том, что префиксация глаголов в славянских языках может происходить 1) при неизменности лексического значения, это рассматривается как образование видовых пар (*строить* → *построить*); 2) с изменением лексического значения производящего глагола: а) по модификационному типу (*кричать* → *закричать*, *покричать*; *бежать* → *выбежать*, *подбежать*); б) по мутационному типу (*работать* → *разработать*, *выработать* – здесь реализуется «телисизирующая функция» префиксов, как она понимается в диссертации, и образование номинации новой ситуации). Как известно, оппозиции парных

глаголов СВ и НСВ в славянских языках имеют грамматический статус, а видовые пары образуются в результате как перфективации, так и имперфективации (причем наиболее грамматикализована именно имперфективация), тогда как модификационное и мутационное глагольное словообразование находится преимущественно в области перфективации. Как мне кажется, даже в самом общем виде сопоставление с системой славянской глагольной деривации позволило бы упорядочить многочисленные языковые факты других языков, прежде всего с аспектологической точки зрения. Но создается такое впечатление, что П.М. Аркадьев наложил в своем исследовании запрет не только на использование славянской аспектологической терминологии, но и на анализ в терминологической системе диссертации важных понятий, в которых раскрывается специфика славянского вида и славянской аспектуальной системы, таких как категориальное значение СВ и НСВ, видовая оппозиция, видовая пара и др.. Как я понимаю, это сделано осознанно, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть, что русский и славянский вид — лишь один из многочисленных способов устройства грамматических аспектуальных систем. А с другой стороны, чтобы показать, что при всех различиях префиксальные системы глаголов и соответственно аспектуальные системы в языках мира, в том числе и в сравниваемых языках, можно описывать с помощью единой системы понятий, причем не совпадающей с системой понятий славянской аспектологии.

Однако, по моему мнению, более тщательное и системное описание русского и славянского вида, и с семантической точки зрения, и с точки зрения взаимодействия с глагольным словообразованием, не помешало бы выполнению поставленных диссертантом задач, а, напротив, способствовало бы их более глубокому и всестороннему решению. Конечно, мои замечания имеют дискуссионный характер и не препятствуют высокой оценке обсуждаемого диссертационного исследования. Публикации П.М. Аркадьева в полной мере раскрывают основные положения диссертации. Автореферат диссертации адекватно отражает ее содержание.

В диссертационной работе П.М. Аркадьева содержится решение научных задач, имеющих большое значение для типологического исследования языков и их аспектуальных систем, для сравнительно-исторического и ареального изучения глаголов и их категорий в индоевропейских, картвельских и уральских языках. Автор на материале пятидесяти языков разработал комплексные методы типологического исследования аспектуальных характеристик глаголов с превербами, с использованием количественных методик, сравнительно-исторического анализа и выявления контактных взаимодействий, что, несомненно, будет способствовать развитию отечественной и мировой типологической лингвистики.

Диссертация «Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа) [Москва, Языки славянской культуры, 2015, с. 351], представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, полностью соответствует критериям, установленным пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, ут-

вержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Петр Михайлович Аркадьев, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка
филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

2 октября 2017 г.

Е.В. Петрухина

Подпись заверяю

Сведения об оппоненте

Петрухина Елена Васильевна, доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский язык, 10.02.03 – славянские языки)
профессор.

Эл. адрес: elena.petrukchina@gmail.com

Почтовый адрес: 119331 Москва,

ул. Марии Ульяновой, д.9, к.2, кв.65

Тел.: (499) 133-16-13



Сведения об организации

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы,

д. 1, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Тел.: (495) 939-10-00 Факс: (495) 939-01-26

сайт: www.msu.ru

Эл. адрес: info@rector.msu.ru